Переводчики, которым хочется сказать «спасибо»

Зинаида Яковлевна Красневская

SHOUT
SHARE
IT

•

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Переводчики, которым хочется сказать «спасибо»

Вместо предисловия

Сразу же признаюсь честно, как на духу. Название придумано не мною. У меня вообще по жизни туго получается с этими названиями, в отличие от героя моего очерка. Но это вполне объяснимо. До сих пор дают о себе знать те несколько десятилетий, в течение которых я занималась исключительно переводом научнотехнической литературы. А она, как известно, не терпит всякие тропы и на дух не переносит цветастый, образный язык худлита. Абсолютная точность, даже в мелочах, и полнейшая нейтральность лексики — вот те два кита, на которых зиждется вся наука, да и техника к ней в придачу. А потому, когда пришлось переквалифицироваться уже в многопрофильного переводчика всякой и разной литературы, то проблемы с фантазией по части придумывания оригинальных, броских, ярких, а главное! — запоминающихся названий (с опорой на широкий контекст произведения, разумеется), которые притягивали бы к себе внимание и заставляли не пройти мимо самого перевода, возникли почти моментально. И продолжают возникать и по сей день. А потому, в случае чего, я охотно прибегаю к чужим заготовкам. Вот и это конкретное название для своего нового цикла эссе я позаимствовала, можно даже сказать, «слямзила», если вспомнить про молодежный сленг, прямо из интернета. Где, как в той Греции, есть все!

Позвонила как-то раз хорошая знакомая, бывшая коллега по работе.

— Я тут давеча отзыв про тебя прочитала в интернете, — объявила она с ходу. — Хвалят, между прочим. Ну да сама почитаешь.

И она с готовностью продиктовала мне все данные, необходимые для поиска нужного сайта. Нашла... На читательском форуме развернулась оживленная дискуссия, посвященная переводам современной художественной литературы. Участники дискуссии с юмором делились друг с другом всякими ляпами и всей той несуразицей, которыми полнятся многие переводные художественные тексты. Что правда, то правда. При желании в них всегда можно отыскать что-то смешное. Параллельно основному обсуждению шли еще две

колонки: «Переводчики, которым хочется сказать “спасибо ”» и «Переводчики, которым не хочется говорить “спасибо”». И вот там уже замелькали вполне конкретные персоналии и вполне определенные названия книг.

Наконец в первой рубрике отыскалась и моя фамилия. Неизвестная читательница прочувствованно благодарила переводчика, то есть меня, за то, что она (то есть я) «прекрасно перевела первый роман Барбары Картленд «Оттенки страсти», дав тем самым нам почувствовать, с чего начинала эта плодовитая писательница». Само собой, я моментально преисполнилась осознанием собственной значимости и надулась как мыльный пузырь. А что такого? Книга действительно хорошая. И перевод хороший… Сама знаю! Да и вообще, и жизнь хороша, и жить хорошо… Особенно если занимаешься любимым делом. Недаром один мудрый человек, только не помню кто, прозорливо заметил, что если ты выберешь занятие себе по душе, то проживешь всю жизнь, не проработав ни одного дня. Чистая правда!

Но странным образом именно в этот момент полнейшего довольства собственной персоной у меня вдруг мелькнула другая мысль. А кому из переводчиков хотелось бы сказать «спасибо» уже тебе самой? Ведь ты же с раннего детства, можно сказать, купаешься в этом море переводной литературы… Неужели нет ни одного имени, ни одного переводчика, который бы не заслужил твоей прочувствованной благодарности? Я задумалась. Можно выразиться и более витиевато: погрузилась в пространные размышления. Ибо, будучи профессиональным переводчиком, я-то прекрасно знаю, как мало по-настоящему хороших переводчиков, трудящихся на ниве изящной словесности. А уж великих, выдающихся в полном смысле этого слова, можно и вообще пересчитать по пальцам одной руки. В крайнем случае обеих…

И не стоит, совсем даже не стоит покупаться на всякие внешние красивости текста. Гладкий, обтекаемый текст — это отнюдь не гарантия того, что перевод выполнен на должном профессиональном уровне. Не помню, кто из известных наших переводчиков прошлого (кажется, это все же был Корней Иванович Чуковский) остроумно заметил, что всякий перевод похож на женщину: если она верна, то некрасива, а если красива, то неверна. И в этом изящном афоризме все — правда, поверьте мне! Сама помню, как в ранней юности, в пору моего увлечения творчеством Байрона, с глубоким прискорбием обнаружила (при сопоставительном анализе с оригиналом), что перевод знаменитого романа в стихах «Дон Жуан», выполненный Татьяной Гнедич, при всей его внешней красивости и гладкости, все же

отстоит от первоисточника гораздо дальше, чем заковыристый и, на первый взгляд, весьма неказистый вариант, предложенный Георгием Шенгели в 1947 году. Последний постарался воспроизвести стихотворный текст великого английского поэта почти на уровне подстрочника, за что ему вечное спасибо.

Впрочем, отдадим должное и Татьяне Гнедич, кстати, далекому потомку того самого Николая Ивановича Гнедича, современника Пушкина, который в начале XIX века перевел на русский язык «Илиаду» Гомера. Его перевод вызвал множество восхищенных откликов, даже Александр Сергеевич услышал в нем «умолкнувший звук божественной эллинской речи». Да и сама Татьяна Гнедич — поистине героическая женщина. Напоминаю читателю, что того же «Дон Жуана» она переводила по памяти, сидя в тюрьме Большого дома в Ленинграде. Но как бы то ни было, а непростые коллизии переводческой профессии наглядно проступают и в этом примере тоже.

А потому после продолжительных медитаций на тему о переводах и переводчиках я определилась со своим списком тех моих коллег, кому хочу сказать «спасибо». Список этот, или «шорт-лист», как принято выражаться ныне, предельно короток: всего лишь шесть имен. Но зато каких! Постараюсь, в меру своих скромных возможностей и сил, заразить восхищением и преклонением перед творчеством (иначе и не скажешь!) всех этих высококлассных профессионалов и вас, мой дорогой и глубокоуважаемый читатель.

Разумеется, каждый волен соглашаться или не соглашаться с автором, расширять или же, напротив, сокращать этот список, предъявлять претензии к моим любимцам и даже выискивать ошибки в их работах. А почему бы и нет? Всем нам, даже самым великим, свойственно ошибаться, не так ли? Помнится, моя студентка много лет тому назад отыскала ошибку даже в переводе, выполненном самим Корнеем Ивановичем Чуковским. А уж он-то владел секретами переводческого мастерства, можно сказать, досконально.

И все же главная моя задача, основная цель этой серии очерков — привлечь внимание широких читательских масс, если так можно выразиться, к именам тех, кто в силу незаметности и даже некоторой вторичности своей профессии всегда остается в тени. «За кадром», выражаясь киношным языком. Словом, хочется лишний раз воскликнуть, что хороший переводчик — это, знаете ли, звучит гордо.

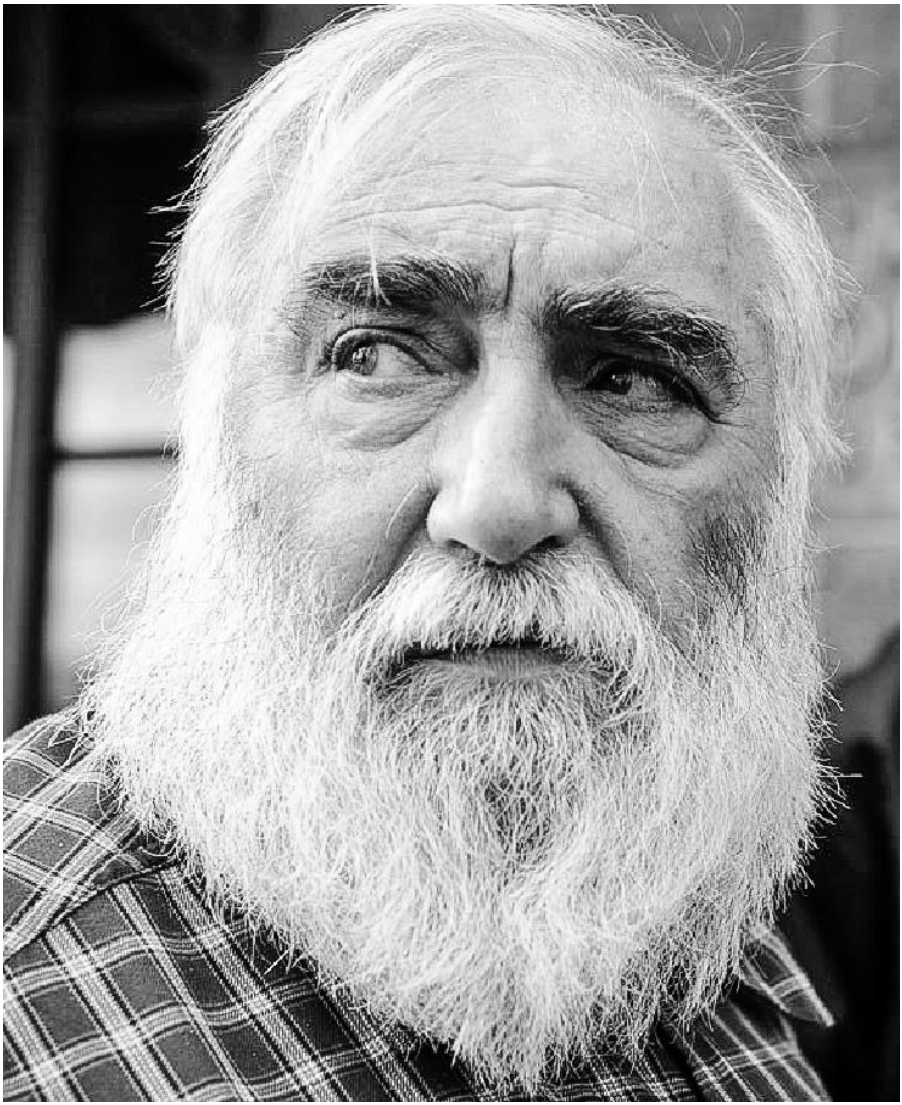
А потому, предваряя наш разговор о переводах и переводчиках, позволю себе, мой дорогой читатель, один дружеский совет. Все же когда вы читаете переводную

литературу, обращайте, пожалуйста, внимание и на те фамилии, которые набраны самыми маленькими буковками. Среди них наверняка отыщутся и фамилии тех, кто переводил эту книгу для вас. И уверяю, очень скоро у вас появится уже собственный список переводчиков, которым вы тоже захотите сказать «спасибо». А почему бы и нет? Доброе слово, оно приятно не только кошкам.

ТОПОРОВ Виктор Леонидович
(9 августа 1946 года — 21 августа 2013 года)

У него было много друзей и много врагов. И для первых, и для вторых — это одинаковая потеря. Друзья потеряли дорогого человека. А для врагов другая беда, поскольку теперь они могут не опасаться ничего, а это не будет им на пользу.

Сергей НОСОВ, писатель и драматург.



Итак, в моем списке значится шесть имен, и по всем законам жанра, включая и соблюдение обычной хронологической последовательности, надо бы начинать с имени, наиболее удаленного по времени от нас, читателей сегодняшнего дня. Между тем героем моего самого первого очерка я избрала своего современника и почти что одногодку, человека, родившегося всего лишь на год с небольшим раньше меня и уже — увы! — отошедшего в мир иной. Причина такого выбора проста. Виктор Леонидович родился в августе. А на дворе у нас как раз тот самый август. Так что самое время воздать должное тому, кого уже больше нет с нами.

Вне всякого сомнения, Виктор Топоров — это совершенно

уникальное явление в мире русской литературы, и даже еще шире, в мире русской культуры. Эрудит, острослов, талантливейший переводчик, блистательный критик. Можно до бесконечности перечислять все грани поистине многогранного служения моего героя на ниве изящной словесности. Впрочем, он и сам это прекрасно сделал в коротком вступительном слове, предваряющем одну из его последних книг «Жесткая ротация», в которой собраны многочисленные эссе, рецензии, очерки, с которыми Топоров регулярно выступал в прессе. И вот как сам Виктор Леонидович квалифицирует свою профессиональную занятость.

«На вопрос «Кто ты по профессии?» у меня нет вразумительного ответа. Во всяком случае, одного-единственного. Филолог-германист, как значится в университетском дипломе? Литературный и кинокритик? Телеобозреватель? Эссеист? Колумнист? Политический публицист? Поэт? Прозаик? Переводчик стихов и прозы? Издатель? Преподаватель? Учредитель литературных премий и общественных организаций?»

Поистине, ренессансный размах личности, не так ли? А если добавить к этому, что во всех своих ипостасях Виктор Леонидович был великолепен (одно учреждение премии «Национальный бестселлер» чего стоит, а ведь Топоров стоял у истоков этой премии, являясь чуть ли не самым главным ее учредителем), то нужно ли удивляться той феноменальной популярности личности Топорова при его жизни в ленинградской, а потом и петербургской культурной среде. Одни его искренне любили, почитали и восхищались всем, что он делал. Другие так же искренне ненавидели, осыпая яростными проклятиями его колкие, но всегда безупречно точные отклики на то или иное явление в культурной (да и в политической тоже) жизни. Словом, равнодушных вокруг этого человека не было и не могло быть уже по определению. Потому что и сам Топоров относится (точнее, относился) к той редкой категории честных и неравнодушных людей, которые живут по принципу: «Не могу молчать!» Само собой, жизненный путь таких смельчаков никогда не бывает усыпан розами. Ведь для того, чтобы прожить свою жизнь так, как прожил ее Топоров, требуется незаурядное мужество. Которое у него, несомненно, было, хотя зачастую он прикрывал собственную смелость этакой почти юношеской бравадой и даже некоторым шутовством. Но главное — никогда и ни в чем он не поступался своими принципами, не шел на поводу у других, оставаясь самим собой во всех своих проявлениях и гранях. А это дорогого стоит, не так ли?

Насмешливый, иронично колкий, иногда ядовито

саркастический, но всегда идущий в бой с открытым забралом. Недаром после его смерти среди многочисленных откликов, появившихся в сети на это печальное событие, был и такой: *«Колючий кустарник, без которого петербургский литературный пейзаж будет неполным».*

Впрочем, поскольку мои очерки посвящены переводчикам, то именно за переводческую ниточку я и потяну в первую очередь, распутывая клубок событий и фактов, которыми полнилась жизнь Виктора Леонидовича.

Безусловно, Виктор Леонидович Топоров — блистательный переводчик, один из самых ярких представителей так называемой «ленинградской школы перевода», давшей отечественной словесности целую плеяду великих переводчиков. Достаточно назвать имена Михаила Донского, Норы Галь, Инны Чежеговой или Михаила Лозинского. Можно сказать, Топоров — последний в этом ряду из могикан. Список произведений, переведенных им, обширен и безупречен с точки зрения их литературных достоинств. Столь же впечатляют и имена авторов, работам которых Топоров дал вторую жизнь уже на русском языке. Здесь Байрон, Гете, Блейк, Эдгар По, Киплинг, Браунинг, Шелли, Мелвилл, Уайльд, Фрост, Оден, Элиот и многие-многие другие. Желающих познакомиться с поэтическими переводами Топорова отсылаю к сборнику «Любимых убивают все», изданному уже посмертно, в 2016 году. Среди переводов прозаических стоит отметить переводы философских произведений Ницше и Брентано, а также совершенно великолепный перевод единственного романа Сильвии Плат «Под стеклянным колпаком».

Будучи ревностным поклонником детективной литературы, не могу не вспомнить прекрасный перевод одного из романов Джона Ле Карре «Шпион, пришедший с холода». Который отстоит от других переводов этого плодовитого автора на русский язык, как небо отстоит от земли. Столь высока планка качества, заданная Топоровым, вроде бы и для пустяшной, развлекательной литературы, каковой многие считают детективный жанр.

Вообще же, возвращаясь к теме «ленинградской переводческой школы», замечу, что многие исследователи и историки литературы полагают, что это некая такая мистификация и на самом деле никакой такой школы не было и нет. Есть просто плеяда замечательных переводчиков, привязанных к Ленинграду, а потом и к Петербургу, чисто географически, как к городу, в котором они жили и трудились долгие годы, иногда — всю свою жизнь. Но существует и иная точка зрения, согласно которой возникновение ленинградской

школы перевода было обусловлено целым рядом вполне объективных факторов. После революции, когда столицу государства перенесли из тогдашнего Петрограда в Москву, бывшая имперская столица в одночасье превратилась в обыкновенный провинциальный город. Но культурные традиции великого города остались, как остался, пусть и очень тонкий, слой настоящих петербургских интеллигентов. Этакая особая каста, которую не спутаешь ни с чем на свете. Сама еще, помнится, застала этих знаменитых ленинградских старичков и старушек в самом начале пятидесятых годов прошлого века, чудом выживших в блокаду и сохранивших все свои кодексы чести и нравственные посылы.

Между тем переводческая жизнь била в Москве ключом. Именно там, в новой столице, сосредоточились ведущие издательства, в том числе и те, которые выпускали переводную литературу. Соответственно, в Москве было намного проще напечататься, да и просто получить вожделенный заказ на перевод. А если присовокупить к этому пресловутую семейственность, клановость, всегда имевшую (и имеющую) свое законное место на любом литературном пейзаже, плюс пресловутый блат и вездесущие связи, то можно лишь догадываться, насколько легче была жизнь переводчиков в столице нашей тогдашней Родины в сравнении с довольно скудным существованием их ленинградских коллег. Но чем свободнее стал для москвичей доступ к вожделенной переводной литературе, суливший в те годы весьма безбедное существование (о чем, кстати, не раз упоминал и сам Топоров), тем выше становился процент литературного брака на выходе.

И вот здесь ленинградцы взяли-таки свой реванш, ибо ленинградская школа, была она или не была на самом деле — вопрос десятый, всегда отличалась повышенным, я бы даже сказала, трепетным отношением к печатному слову, особой тщательностью работы над текстом и особым пиететом по отношению к переводимым авторам. Не потому ли, когда в начале шестидесятых — конце семидесятых годов прошлого века развернулась реализация грандиозного двухсоттомного издания «Всемирной литературы», к работе над новыми переводами признанных шедевров мировой классики было привлечено очень много именно ленинградских переводчиков. В том числе и еще совсем молодой в те годы Виктор Топоров.

Впрочем, что означает понятие молодости, когда мы ведем речь о профессиональном отношении к делу? Помнится, в одном из своих давних интервью, весьма редких, кстати, ибо Топоров, несмотря на всю свою публичность, был довольно закрытым

человеком, совершенно лишенным какого-либо самопиара, так вот, в том давнем интервью на вопрос журналистки «С какого времени вы ощутили себя переводчиком-профессионалом?» Виктор Леонидович ответил в присущей ему ернической манере: *«В восемнадцать лет я сравнил свои переводы с уже существующими и ошибочно решил, что мои намного лучше».*

И при этом ни словом не обмолвился о том, что на переводческую стезю его направил сам Иосиф Бродский (другой на его месте козырял бы этим фактом на каждом углу). Как и тем обстоятельством, что на известном судебном процессе по делу «тунеядца» Бродского защитником молодого поэта выступила мама будущего переводчика, известный питерский адвокат Зоя Николаевна Топорова (1909—1997). Поэт Бродский навсегда сохранил благодарность к этой женщине и до самых последних дней жизни, при каждом удобном случае передавал ей приветы из своего «прекрасного нью-йоркского далека».

Не хвастал Виктор Леонидович и тем, что состоял в близком родстве, по материнской линии, с известным поэтом-символистом Юрием Борисовичем Кричевским. А вообще-то, почти все его родственники, как со стороны матери, так и со стороны отца, были юристами. Дед даже какое-то время работал председателем городского арбитражного суда. А потому неудивительно, что в семье совершенно искренне полагали, что юный отпрыск пойдет по стопам родителей, дедов и прадедов и в положенный срок на свет вылупится еще один адвокат, защитник сирых и оскорбленных. Но не тут-то было! Строптивость, заложенная в характере ребенка, видно, с самого рождения, дала знать о себе слишком рано. К тому же, как не без иронии заметил сын знаменитых адвокатов много позже, его способности явно не лежали в плоскости защиты. С пеленок его тянуло именно к сфере обвинения. Недаром впоследствии на вопрос одного из досужих журналистов, почему все рецензии у него ругательные, Виктор Леонидович ответил, не задумываясь: *«Видимо, я ругаю значительно талантливее, чем хвалю».*

Всегда настроенный воинственно, неизменно насмешливый, Топоров на протяжении всей своей жизни говорил и писал только то, что думал. Всегда! Редкое качество, не правда ли? Почти не встречающееся в современной жизни.

Впрочем, страсть к розыгрышам и эпатажу у него тоже была с детства. Еще совсем маленьким мальчиком Витя практически обессмертил свою родную тетю Сару, библиотекаря по профессии, подрабатывавшую исполнением русских народных сказок в районном Дворце пионеров, тем, что придумал ей кличку: Сарина Родионовна. В школе однажды накропал такое возмутительное

сочинение, что учительница, с легкой душой влепившая ему «кол», сделала весьма примечательную приписку: «Витя! С таким содержанием никакая грамотность не поможет».

«Мне внезапно разонравилось вписываться в систему — в какую бы то ни было систему, во всяком случае, вписываться в нее на долгое время», — признавался впоследствии сам Топоров, как всегда не кривя душой и не лукавя понапрасну. Но при этом никогда, даже в самые тяжелые периоды своей жизни, у него и близко не возникало мысли об эмиграции на «историческую родину» или еще куда-нибудь, но подальше от России. Россия — моя Родина и мой дом: этот сознательный выбор Топоров сделал еще в ранней юности и остался верен ему до конца.

Полулидер-полушут — вот та маска, которую сознательно примерил на себя Виктор Топоров еще в школьные годы, и эта маска с годами буквально приросла к его лицу, и современники, в первую очередь, коллеги по литературному цеху, все те обиженные и оскорбленные, которым он с бесшабашностью клоуна на манеже раздавал оплеухи направо и налево, не сильно задумываясь о последствиях, лишь возмущенно разводили руками, призывая широкую писательскую общественность поставить-таки обидчика, наконец, на место.

Его часто называли в прессе «санитаром леса», но Топоров лишь отшучивался в ответ: *«Я санитар джунглей. Литературный мир России напоминает скорее джунгли, чем лес».*

А уж названия, которые он придумывал для своих многочисленных эссе, появлявшихся в самых разных изданиях, в которых он откликался на все наиболее значимые или просто одиозные события как в культурной, так и в политической жизни России, так вот, эти названия — ну просто шедевры! Иначе и не скажешь... Обхохочешься, еще не успев приступить к чтению опуса. Судите сами!

«Проверка на Швыдкость»
«На золотом тельце сидели»
«Непоротое телевидение»
«Бремя серых»
«Альтернативная история: «Ельцин в Форосе»
«Пломбированный вагон оранжевой революции»
«Не пей вина, Гертруда! После водки...»
«Бей своих — спасай Россию»
«Провиденциальные анекдоты»
«Я спросил у Тополя, что за люди в Ясенево»

Кстати, в этой последней рецензии Виктор Леонидович разделал, как говорится, «под орех» двух известных беллетристов начала девяностых годов — Эдуарда Тополя и Фридриха

Незнанского, чья графоманская продукция в те годы буквально заполонила книжный рынок.

«Любите ли вы Путина, как люблю его я?» — издевательски вопрошал он в одном из своих очерков, обращаясь к политическим оппонентам и комментируя текущие политические события в России. Ах, не любите? Тем хуже для вас, родимые!

В другом своем эссе под названием «Тень Баркова», датированном 2004 годом, Топоров весьма иронично откликнулся на издание пресловутой поэмы, известной своей запредельной нецензурщиной. *«Цензуру отменили, Баркова напечатали, и мир не перевернулся»,* — меланхолично замечает он. И далее: *«Время, пожалуй, учредить Барковскую премию и для начала присудить ее Кахе Бендукидзе и Филиппу Киркорову. И — за заслуги лет и по совокупности — Черномырдину».*

Весьма забавны те исключения, которые Виктор Леонидович все же делает для табуированной лексики. Известный матерщинник в быту (да и не только!), он резонно полагает, что первое *«исключение — это русский мат, про который сказано: мы им не ругаемся, мы на нем разговариваем. Исключение — российская жизнь, при которой и про которую разговаривать хочется только матом».*

Что ж, трудно возразить маститому литератору. Разве что вспомнить к месту известные строки Евгения Лукина.

Нам демократия дала
свободу матерного слова.
Да и не надобно другого,
чтобы воспеть ее дела.

Как трудно не согласиться с еще одним его умозаключением о том, что со временем *«стилистические разногласия неизменно перерастают в политические. И, разумеется, наоборот».*

Вот это уж верно на все сто двадцать процентов! Разве не так? Когда задумываешься о событиях последней четверти века, то невольно спрашиваешь себя: а не началась ли разруха в головах нашего народонаселения, и в первую очередь, государственных мужей, повлекшая за собой кардинальный слом всей предшествующей системы, с того, что мы в свое время совсем не удивились и легко согласились с тем, что на карте мира появился Кыргызстан вместо привычной Киргизии, или Башкортостан вместо Башкирии, или Алматы и прочее, и это вопреки всем нормам русскоязычного произношения. В самом деле! Не называем же мы столицу Великобритании «Ландан», как это принято у них, а говорим традиционное «Лондон». И Рим не величаем Ромой, и французская столица для нас — это Париж, а не какой-то там Пари. Зато у себя дома охотно приняли все, что

нам предложили. Начисто позабыв о том, что подавляющее большинство всех географических названий в русском языке сохраняют свое традиционное (часто сложившееся исторически) произношение и правописание. Ну так и по боку все эти дурацкие традиции! И что нам эта никому не нужная стилистика? Вот и начудили всласть. Одно «в Украине» чего стоит! Вместо классически правильного «на Украине», то есть всего лишь на окраине территории и ничего более. Однако вернемся к теме.

Стилистические разногласия Топоров всегда чувствовал очень остро и бурно реагировал на любые неточности в переводах. Недаром многие величали его не иначе как «воинственным переводчиком». Побольше бы таких, особенно сегодня, когда переводчиков, как говорится, пруд пруди. А вот хороших — раз, два и обчелся. О катастрофическом состоянии дел в области перевода Топоров с горечью, хотя и с присущим ему юмором, написал в своем эссе «Репертуар Карузо». Позволю себе привести пространную цитату из этого эссе, ибо каждое слово в нем — в самую точку.

«Поэтический перевод? Проникновенное пушкинское перевыражение? Высокое искусство? Заслуженно знаменитая отечественная школа? Вот уж чего не стало, того не стало. А то безобразие, что в последние 15—20 лет пришло ему на смену, удачнее всего вписывается в рамки старого еврейского анекдота:

— Ви знаете, у великого Карузо таки нет ни голоса, ни слуха!

— А ви что, слышали великого Карузо?

— Таки нет, не слышал. Но Рабинович таки спел мне весь его репертуар!

Классики поэтического перевода один за другим сошли со сцены: кто умер, кто устал... В результате едва ли не при каждом издательстве, едва ли не при каждом посольстве, заводится собственный Рабинович — и горе тому Карузо, репертуар которого он от начала до конца повадился исполнять. Горе целой литературе, превращающейся под его пером в макулатуру».

Как же актуальны и злободневно горьки эти строки и сегодня, хотя написаны еще в конце девяностых, если мне не изменяет память. Достаточно пошарить по интернету, чтобы убедиться в том, сколько откровенно бездарных, нелепых, насквозь ошибочных и до безобразия косноязычных переводов гуляет по нашей сети. Сама имела возможность убедиться в этом, когда готовила публикацию, посвященную творчеству Сильвии Плат. Яркими звездами сияют на общем унылом фоне имена двух или трех десятков представителей переводческого цеха. И среди них, несомненно, и имя Виктора Леонидовича Топорова.

На его счету огромное количество превосходных переводов,

но когда его спрашивали о том, что он сам ценит в своих работах и ставит выше всего, скромно отвечал, что удалось ему сравнительно немногое: поэма

Байрона «Лара», «Баллада Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, некоторые стихотворения Гете.

Что ж, подумала я, прочитав это признание талантливого переводчика: абсолютно точный выбор. Ведь все названные им в числе лучших собственные переводы действительно лучшие из лучших. Когда читаешь чеканные строки байроновской «Лары», например, вот эти:

Не ведать равных! Люди на земле
Едва ль такой исполнятся отваги,
Чтоб подглядеть, как он погряз во зле,
Чтоб разглядеть, как он расцвел во благе.
Обычные заботы унялись
В его душе, а дух в такую высь
Взлетел, что кровь струилась по-иному,
Лишь отвращенья полная к земному.

то начисто забываешь о том, что читаешь переводной текст. Верный признак того, что перевод безупречен с точки зрения все тех же норм русского языка. Но он также безупречен и с точки зрения бережного отношения уже к языку оригинала в стремлении сохранить мельчайшие оттенки и переливы чувств, которыми полнится поэзия Байрона.

Ну, а уж «Балладу Редингской тюрьмы» я готова цитировать и цитировать без конца, настолько совершенным представляется мне перевод, выполненный Виктором Топоровым. Строфа за строфой, словно наэлектризованные переживаниями автора, невольно наводят на мысль о том, что, скорее всего, и сам переводчик пережил все те страдания и ту боль, которые выпали на долю поэтического героя Оскара Уайльда. Судите сами!

Любимых убивают все,
Но не кричат о том.
Издевкой, местью, злом, добром,
Бесстыдством и стыдом,
Трус — поцелуем похитрей,
Смельчак простым ножом.
Любимых убивают все,
Казнят и стар, и млад,
Отравой медленной поят
И Роскошь, и Разврат,
А Жалость — в ход пускает нож,
Стремительный, как взгляд.

Любимых убивают все —
За радость и позор,
За слишком сильную любовь,
За равнодушный взор.
Все убивают — но не всем
Выносят приговор.

И далее не строфа, а буквально крик души:

О! Есть ли мука тяжелей,
Чем мука о другом?
Его вина искуплена
В страдании твоем.
Из глаз твоих струится боль
Расплавленным свинцом.

И наконец, заключительные строфы, венчающие балладу. Привожу их все целиком.

Есть яма в Редингской тюрьме —
И в ней схоронен стыд;
Там пламя извести горит,
Там человек лежит,
В горючей извести зарыт,
Замучен и забыт.
Пускай до Страшного суда
Лежит в молчанье он.
Пускай ни вздохом, ни слезой
Не будет он смущен:
Ведь он любимую убил,
И суд над ним свершен.
Любимых убивают все,
Но не кричат о том, —
Издевкой, лестью, злом, добром,
Бесстыдством и стыдом,
Трус — поцелуем похитрей,
Смельчак — простым ножом.

Читайте «Балладу Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, призываю я вас, глубокоуважаемые читатели. Сами поразитесь тому, насколько эта баллада актуальна и современна и в наши дни. Если не имеете возможности читать оригинал, читайте в переводе. Но обязательно в том, который сделал Виктор Леонидович Топоров. На мой взгляд, это лучший перевод этого

произведения из всех, что есть сегодня на русском языке. Конечно, со временем появятся и новые варианты и версии прочтения «Баллады Редингской тюрьмы» по-русски. Жизнь ведь не стоит на месте. Дай бог, чтобы они были такими же вдохновенными и точными, как тот, который я цитировала выше.

Но вернемся к нашему герою. Беспощадность к своим оппонентам, лютая борьба, не на жизнь, а на смерть, с дурновкусием и пошлостью во всех ее проявлениях, принципиальность в главном, что составляло смысл его жизни, и при этом абсолютное равнодушие ко всему тому, что связано лично с ним и с его собственным местом под солнцем. Никогда не толкался в приемных, не выпрашивал милостей у сильных мира сего, которых порой изрядно раздражал своей неуступчивостью. Всегда чурался того, что называется «славой» или, на худой конец, «известностью». В юности очень недурно играл в шахматы, а уже в весьма зрелом возрасте сыграл после длительного перерыва в Мемориале Чигорина и, опередив целый ряд гроссмейстеров, получил какой-то заоблачный рейтинг, соответствующий нормам мастера ФИДЕ. Но никаких запросов на присвоение этого почетного звания не последовало. Долгие годы Топоров преподавал в Ленинградском, а потом и Петербургском университете, воспитал целую плеяду переводчиков, в разные годы занимал профессорские должности, но так и не озаботился тем, чтобы получить уже официально ученое звание или научную степень. А зачем? Разве это главное в творчестве? Вот такова была логика его аргументации. Не надо мельтешить, не надо суетиться в поисках наград и почестей. Воистину, все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать, как говорят на Востоке. Жаль, что иногда посмертно. Чаще всего посмертно.

Среди огромного шквала откликов и отзывов, последовавших на неожиданно внезапную смерть Топорова (ибо смерть людей такого масштаба всегда неожиданна и всегда внезапна, даже если и ожидаема), так вот, среди обилия сочувственных слов и размышлений о роли и месте Топорова в современной культуре меня, помнится, поразил очень обстоятельный и серьезный отклик Максима Кантора, еще одного моего любимца, роман которого «Уроки рисования» я считаю лучшим постсоветским романом в русской литературе, а образы двух главных героев романа, закадычных друзей и собутыльников, профессора истории Татарникова, русского по национальности, и профессора философии, еврея Соломона Рихтера, — это поистине типические персонажи, отразившие наше непростое время во всей его полноте. Не сомневаюсь, им уготована такая же долгая литературная жизнь, как и самым известным героям Гоголя,

Толстого и иже с ними.

И вот что писал Максим Кантор в связи со смертью Топорова.

«Умер Виктор Топоров, и стало пусто. Фронт оголился.

Трудно сказать, что он был совестью русской интеллигенции, поскольку у постсоветской постинтеллигенции нет совести. Вместо совести у них корпоративная этика.

Виктор Топоров был русской интеллигенцией в одиночку. Так можно. Ровно так поступает лейтенант, идущий в атаку один, если взвод невозможно поднять в атаку...

Топоров на протяжении 20 лет умел идти против течения; в те годы, когда все говорили и делали глупости и подлости, участвовали в разграблении страны словом и делом, он говорил трезво и храбро».

Что ж, лучше не скажешь, а потому пора заканчивать наш разговор об уникальной личности по имени Виктор Леонидович Топоров. И закончим мы его, как и положено по условиям жанра, на переводческой волне. Для чего воспользуемся еще одной цитатой, принадлежащей современному московскому поэту Сергею Артюнову.

«Прочитав его перевод «Восхождение» Россетти, я полюбил поэзию. Иные переводчики делают для поэзии в тысячи раз больше, чем сами поэты».

Поясню, что речь идет об одноименном стихотворении Кристины Россетти (1830—1894), не самой известной на сегодняшний день английской поэтессы Викторианской эпохи, родной сестре одного из наиболее ярких представителей художников-прерафаэлитов Данте Габриэля Россетти, тем не менее, обессмертившей себя несколькими бесспорными поэтическими шедеврами. «Восхождение» из их числа. Бессчетное количество переводчиков пробовали перевести это внешне незамысловатое, но бездонно глубокое стихотворение о смысле жизни и всего того, что связано с уходом из нее. В этом может убедиться любой, кто пошарит пару часов по тому же интернету. И никому из пытавшихся этот стих не дался в руки. Утверждаю это вполне компетентно, как переводчик. В одном варианте режут глаз буквализмы, в другом — бесконечные отсылки к небесам и Богу, чего и близко нет у автора оригинала. Да, никому не дался этот стих! За исключением Виктора Топорова, который перевел его на русский язык в 1999 году. Можно сказать, на стыке времен, когда все в некотором ажиотажном смятении готовились к встрече Миллениума.

Помнится, когда я впервые прочитала этот перевод, то невольно поразилась прозрачной простоте каждого слова и виртуозному «перевыражению», цитируя все того же Пушкина,

некоторых особенно сложных метафор, которые при всей их кажущейся понятности очень трудны для перевода. А потому некоторые стихотворцы-переводчики даже не стали раскалывать эту головоломку, предпочтя буквальный перевод. Но не буду утомлять читателя ненужными подробностями. Позволю себе лишь негромкий возглас *«Вуаля!»,* которым фокусники-иллюзионисты обычно завершают очередной эффектный номер, извлекая из собственной шляпы кролика.

Вот и я восклицаю: «Вуаля!» и предлагаю для истинных гурманов от поэзии блистательный перевод этого стихотворного шедевра, выполненный Виктором Леонидовичем Топоровым, причем в сопоставлении его с оригиналом. А как же иначе? Ведь настоящий гурман способен получить полное наслаждение, только сопоставив подлинник с тем, что вышло из-под пера переводчика. Кстати, на подобный эксперимент мы с вами, дорогой читатель, уже однажды решились, когда вели речь о поэзии Сильвии Плат в одном из очерков цикла «Пантеон женских сердец». И ничего страшного! Никакого отторжения тогда ни у кого не возникло. Попутно спешу успокоить всех сомневающихся: текст оригинала с точки зрения его лексики настолько прост, что будет понятен даже тем, кто пока еще находится на начальных этапах освоения английского языка и все еще прикован ко всяким разным самоучителям и словарям. Итак, приступим!

Christina ROSSETTI

Up-Hill

Does the road wind up-hill all the way?
Yes, to the very end.
Will the day's journey take the whole long day?
From morn to night, my friend.

But is there for the night a resting-place?
A roof for when the slow hours begin.
May not the darkness hide it from my face?
You cannot miss the inn.

Shall I meet other wayfarers at night?
Those who have gone before.
Then must I knock, or call when just in sight?
They will not keep you standing at that door.

Shall I find comfort, travel-sore and weak?

Of labour you shall find the sum.
Will there be beds for me and all who seek?
Yea, beds for all who come.

Кристина РОССЕТТИ

Восхождение
(Вверх по холму)

Дороги нет ли поровней?
Лишь эта, на холмы.
И целый день идти по ней?
До тьмы, друг мой, до тьмы.

А на холмах стоит ли дом?
Его скрывает мрак.
Во мраке — мимо не пройдем?
Пройти нельзя никак.

Кого случится повстречать?
Тех, кто ушел до нас.
Мне постучать или позвать?
Там ждут и в поздний час.

Что ждет — покой и тишина?
Там очень тихий край.
Постель постелена для сна?
Постелена. Ступай.

Перевод Виктора ТОПОРОВА (1999)

Вот такими шедеврами обогащают нашу великую литературу наши великие переводчики. Низкий им поклон за это и вечная благодарность за их неимоверные труды. Пару слов в качестве сопоставительного анализа, без которого никак не обойтись, если берешься говорить о переводчиках и переводах. Как видно при внимательном прочтении оригинала, язык стихотворения Россетти очень прост: такой неспешный диалог между тем, кто собирается в долгий путь, и не просто в путь, но в дорогу, ведущую в гору, и тем, кто явно поджидает странника в конце этого пути. Однако лексическая простота — вещь обманчивая. Ведь каждое слово в художественном тексте может до неузнаваемости изменить свой смысл, будучи включенным в какое-нибудь образное выражение. Так, к примеру, произошло со

словом *‘labour’* (труд) в очень непростой метафоре *«of labour you shall find the sum»,* что в буквальном переводе означает приблизительно следующее: «Там тебя поджидает итог всех твоих трудов». Что уже по умолчанию означает, что трудов больше не будет, что все испытания позади и усталый путник обретет, наконец, тот самый долгожданный покой и отдохновение, которые он так жаждет обрести. То самое знаменитое чеховское «Отдохнем!» из его «Дяди Вани». Помните? «Ты не знал в этой жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди. Мы отдохнем. Мы отдохнем!»

Не стану разбирать все варианты переводов этой фразы Россетти, гуляющие по интернету. Разве что чуть ниже приведу один буквализм: когда я натолкнулась на него (специально не называю фамилию переводчика), то подумала, что таким языком пишут не стихи и не поэтические переводы к ним, а разве что судебные бумаги или приказы по производству. Ну, а мы с вами, дорогой читатель, вполне удовольствуемся тем вариантом, который предложил нам переводчик Топоров, не так ли?

Остается лишь верить в то, что «там, в очень тихом краю», в который мы бредем кто как может до самой смерти, нашел, наконец, отдохновение от своих многочисленных трудов и сам Виктор Леонидович Топоров. «Услышал ангелов, увидел небо в алмазах», как обещал когда-то всем измученным герой Чехова. Обрел тот самый покой, на который надеется всякий путник, карабкающийся вверх. Словом, получил все, о чем мечтал, *«как результат работ»*, цитирую я буквализм, принадлежащий одному из тех, кто брался за перевод этого стихотворения, соревнуясь с Топоровым. Напрасно брались! Не получилось! Ни у кого! За исключением Топорова. Так всегда бывает, когда переводчик не уступает своими талантами переводимому автору. А иногда и превосходит его. И тогда мы имеем на выходе результат, в тысячи раз превосходящий усилия самого поэта, как справедливо заметил Сергей Артюнов.

Впрочем, Виктор Топоров был и сам хорошим поэтом. Просто старался не мельтешить перед читателями с собственными творениями, и даже до некоторой степени стеснялся их. Но теперь все его стихи, слава Богу, выложены для широкого прочтения в интернет-пространстве и доступны любому пользователю. И потому впереди у каждого из нас, читателей, бездна возможностей ознакомиться с творческим наследием Виктора Леонидовича Топорова по всему широкому спектру его интересов и увлечений. Настоятельно рекомендую не затягивать со знакомством. Оно обязательно одарит вас массой самых приятных впечатлений, и быть может, даже неожиданных

открытий. Которые, как известно, приятно делать в любом возрасте. Так что, up-hill! — призываю я вас, мои дорогие читатели, каждого и всех вместе. Не пожалеете!